

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 1-го августа 1904 года.

Какъ живутъ въ Лхасѣ.

Тибетъ, привлекающій въ настоящее время внимание очень и очень многихъ, отличается въ некоторыхъ отношеніяхъ по своей интимной жизни отъ извѣстныхъ намъ странъ. Автору настоящей статьи пришлось много разъ разговаривать съ извѣстными калмыцкими путешественникомъ База-бакши-хамбо Менкедзиевымъ о разныхъ сторонахъ тибетской жизни. Особенно интересно было знать о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ въ домашней и уличной жизни столичныхъ жителей запретной страны; при нашихъ свиданіяхъ База-бакши часто бесѣдовалъ со мной о томъ, чего нѣтъ въ дневникахъ его (изданныхъ также и по русски). Въ трудѣ о. Іакинна Бичурина о Тибетѣ есть кое какія свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ жизни тибетцевъ и объ ихъ обычаяхъ. Подѣлились путешественники, какъ Гюк, Рокхилль, Цыбиковъ, Саратъ Чандра Дасъ и др. также касались быта страны, въ которой имъ, немногимъ пока счастливанцамъ, удалось побывать, а некоторымъ даже пожить довольно долго какъ въ странѣ и городахъ, такъ и въ самой столицѣ — Лхасѣ. Иногда мнѣ хотѣлось провѣрить свѣдѣнія, сообщаемыя Іакинномъ и казавшіяся подчасъ неправдоподобными. База-бакши рассказывалъ всегда съ удовольствіемъ и увлеченіемъ; изъ разговоровъ нашихъ съ нимъ у меня составилась серия записей, которыя я теперь и хочу здѣсь представить читателямъ.

По внѣшнему виду Лхасы состоятъ изъ двухъ- и трехъэтажныхъ зданій, построенныхъ изъ камня и окрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ известью. Подъ самой крышей обыкновенно бываетъ проведена широкая полоса коричнево-краснаго цвѣта, съ крупными металлическими бляхами. Крыша всегда плоская, глинобитная. Большинство зданій занимаютъ квадратный участокъ земли съ квадратнымъ дворомъ въ серединѣ. Во дворъ выходятъ со всѣхъ сторонъ двери, изъ которыхъ каждая вводитъ посетителя въ особую комнату. Въ стѣнахъ домовъ, выходящихъ на улицы, въ комнатахъ, обращенныхъ къ улицѣ, продѣланы окна; стѣны, сопрягающіяся съ соседними домами, лишены оконъ; тоже надо сказать и о стѣнахъ домовъ, расположенныхъ на окраинѣ города. Всѣ внѣшнія стѣны частныхъ домовъ образуютъ глухую стѣну города, такъ что городъ, не имѣя специальной ограды или укрѣпленій, представляетъ собою гнѣздо вродѣ крепости съ прозрачными стѣнами. Комнаты, прилегающія къ такимъ глухимъ стѣнамъ, освѣщаются посредствомъ окошекъ, продѣланныхъ въ дверяхъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ комнаты бываютъ раздѣлены перегородками на маленькія мажорки, составляющія небольшую квартирку. Въ верхніе этажи ведутъ лѣстницы, построенныя во дворѣ, обыкновенно каменные. На крышу ведутъ приставленыя деревянные лѣсенки; ихъ приставляютъ когда нужно. На день тибетцы пускаютъ на крышу дома своихъ собакъ. Собаки бѣгаютъ цѣлый день по плоской крышѣ и сверху лаютъ на проходившихъ по улицамъ; на ночь ворота въ домахъ запираются и собаки стерегутъ дворъ.

Въ Лхасу постоянно стечаются безочисленные толпы богомольцевъ; съ разныхъ концовъ Китайской имперіи, изъ всѣхъ подчиненныхъ ей странъ, изъ Индіи и Россіи идутъ и идутъ буддисты на поклоненіе святынямъ Тибета и самому далай-ламе. Среди этихъ паллигматовъ нѣрѣдко попадаются любители чужого добра и потому предосторожности съ закрываніемъ надгробу воротъ на ночь далеко не лишни; хороніе заводы спасаютъ тибетцевъ не только отъ этихъ

азиатскихъ хулигановъ, а также и отъ свирѣпыхъ дикихъ псовъ, блуждающихъ днемъ по окрестнымъ горамъ, а ночью являющихся въ Лхасу производятъ энергичную чистку улицъ города отъ всякихъ накопившихся за день отбросовъ. Эти «санитары» не брезгаютъ и человѣческимъ мясомъ.

Днемъ на улицахъ кипитъ жизнь; множество пріѣзжихъ тибетцевъ, китайцевъ и другихъ иностранцевъ располагаются со своими товарами на улицахъ. Крупныя китайскія фирмы имѣютъ свои лавки, напоминающія ургинскія и пекинскія. База-хамбо часто проводитъ параллель между Лхасой и Ургой, чтобы пояснить мнѣ различіе или сходство въ жизни этихъ городовъ. По словамъ моего собесѣдника, изъ всѣхъ восточныхъ городовъ внѣ Тибета больше всего въ некоторыхъ отношеніяхъ Лхаса напоминаетъ ему именно Ургу, городъ въ достаточной степени знакомый и пишущему эти слова.

Выѣски на лавкахъ обыкновенно на тибетскомъ и китайскомъ языкахъ. Какъ известно тибетскія строки располагаются горизонтально,

губернаторъ появляется на улицахъ въ паланкинѣ. База-хамбо видѣлъ однажды, какъ амбанъ пріѣхалъ въ паланкинѣ, который несли восемь слугъ во дворецъ далай-ламы. База-хамбо въ это время ядалъ очереди, чтобы поднести далай-ламе мандалъ (было съ посланными на немъ зернами — жертва, имѣющая символическое значеніе). Амбанъ окружаетъ китайская военная стража.

Тибетскіе солдаты часто упражняются въ стрѣльбѣ; они во многомъ напоминаютъ монгольскихъ солдатъ. Тибетскіе воины стрѣляютъ въ цѣль и, какъ въ Монголіи, тутъ же въ честь удачныхъ стрѣлковъ поются гимны, а при неудачныхъ выстрѣлахъ возгласами выражается порицаніе. Какъ и во всѣхъ странахъ, жизнь военныхъ регулируется трубными звуками. Военные сигналы, впрочемъ, не единственные музыкальные звуки, которые приходится слышать въ Лхасѣ; нѣрѣдко раздается народная пѣсня, которая, по словамъ База-бакши, звучитъ совсѣмъ по нашему; наивны тибетскіе будто-бы совсѣмъ не похожи на пѣсни калмыковъ и монголовъ.

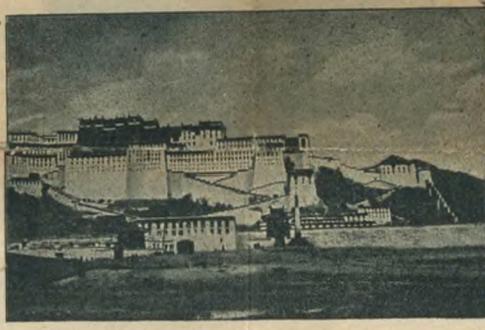
Не знаю, въ чемъ База-хамбо находилъ сходство тибетскихъ наивовъ съ европейскими; болѣе определенныхъ взглядовъ оны мнѣ такъ и не могъ сообщить. Я не разъ слышалъ живіе, что духовные наивы калмыковъ ближе подходятъ къ тибетскимъ, чѣмъ монгольскіе; такого же мнѣнія дерзнулся и База-хамбо, увѣрившій, что монгольскіе ламы пѣютъ какъ то совсѣмъ по особенному.

Игры тибетскихъ дѣтей тоже напоминали моему собесѣднику игры европейскихъ дѣтей, будучи не похожи на игры калмыковъ и монголовъ.

Описаніе дворца далай-ламы, построеннаго не вдалекѣ отъ Лхасы на Будагѣ и имѣющаго девять этажей въ вышину, сдѣлано недавно Г. Ц. Цыбиковымъ; фотографіи съ дворца сняты имъ и г. Норзуновымъ, а ранѣе того были опубликованы копіи съ народныхъ картинъ, расхолившихся въ тысячахъ зигемплярновъ по всѣмъ буддистскимъ странамъ.

У далай-ламы имѣется звѣриецъ, гдѣ въ числѣ разныхъ диковинныхъ звѣрей пасутся верблюды. Для фазды верблюдами въ Тибетѣ не пользуются.

Въ центрѣ Лхасы находится грандіозный храмъ, вокругъ котораго и располагаются улицы. Храмовъ въ Лхасѣ множество. По внѣшнему виду ихъ можно отличить отъ другихъ зданій только, если обратитъ вниманіе на священные изображенія ганчжиря и хурде (колесо ученія), утверждаемыя на крышахъ. На большой площади проходятъ религиозныя торжества, праздничныя процессіи; тутъ бываетъ цѣль (религиозная мистерія съ плясками духовенства въ маскахъ и особыхъ костюмахъ), круговращеніе Майдари (когда по городу обвоятъ изображеніе буддистскаго Мессии, бога будущаго — Майтрея, съ торжественными ходоми). Дни этихъ большихъ праздниковъ всѣмъ извѣстны, поэтому богомольцы стремятся всегда попасть въ Лхасу какъ разъ къ одному изъ такихъ торжествъ; вотъ почему улицы и площади Лхасы въ это время отличаются необычайно многолюдствомъ и пестрѣютъ представителями самыхъ разнообразныхъ народностей, исповѣдующихъ желтую вѣру. Нечего говорить, что изъ достатка паломниковъ огромная сумма остается въ запретной странѣ. Среди тибетцевъ бывають очень богатые люди, но по внѣшнимъ признакамъ судить о степени ихъ зажиточности почти нельзя. Богатство тибетцевъ заключается въ деньгахъ; деньги тибетцы употребляютъ либо свои тибетскія, либо китайскія; преимущественно серебро. Мякія расплаты производятся при помощи хадаковъ (шелковыхъ полотенецъ, служившихъ въ буддистскихъ земляхъ символомъ благо-

Бодала, дворецъ далай-ламы. (Фот. Норзунова)

читаются слѣва направо, сверху внизъ; по внѣшнему виду тибетскія письма напоминаютъ санскритское и еврейское письмо. Китайцы, попадающіе въ Лхасу довольно скоро выучиваются говорить по тибетски; впрочемъ, большинство иностранцевъ въ Тибетѣ пользуются услугами переводчиковъ. Внѣ Тибета лицъ хорошо говорившихъ по тибетски почти нѣтъ.

Мужчины-тибетцы народъ серьезный, занятый, имъ не до болтовни; сплетни и пустая болтовня у нихъ отсутствуютъ; это не то, что у насъ, или у монголовъ, гдѣ то и дѣло бѣгаютъ къ сосѣду, или знакомымъ, чтобы покаялись и послетичать; у нихъ люди ходятъ другъ къ другу только по дѣламъ и какъ только дѣло кончено, удаляются во свои. Женщины, какъ и всѣдѣ, любятъ поболтать, встрѣчаются на улицахъ съ кумушками и начинаютъ переуды.

Днемъ бываетъ сильное движеніе на улицахъ, главнымъ образомъ пѣшкомъ; не мало ѣздятъ на якахъ, мулахъ, ослехъ и на лошадяхъ, но всегда верхомъ. Телги и повозки нѣтъ совершенно; единственный экипажъ, который можно встрѣтить въ этомъ городѣ — паланкинъ, переносимый на рукахъ, или перевозимый на лошадахъ. Дороги въ Тибетѣ плохи и трудны; масса переваловъ затрудняетъ движеніе. Почтовое движеніе совершается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Монголіи, но съ той разницей, что всѣ фазды проходятъ верхомъ.

Черезъ рѣку Уй, текущую около Лхасы, переправляются на жокахъ, надутыхъ воздухомъ, плотажъ; переправы звѣдуютъ специально прибрежные жители. Мостовъ вблизи Лхасы не существуетъ.

Неподалеку отъ рѣки помѣщается дворецъ китайскаго губернатора-резидента. Амбанъ—

делания и денежной единицей). Чай в качестве денежной ценности (как в Монголии) не употребляется.

Тибетцы пьют чай, который при варке дает красный шель. Брать ургинского гегена-хутунга угодил меня не раз этим чаем; тибетский чай подается с молоком, солью и обыкновенно с маслом; тибетцы очень любят жирное. Тибетский чай, по вкусу, несколько и замечителен, но особенно отличается от других чаев, которые пьют в Монголии. Ни кирпичного, ни байхового чая в Тибете не пьют.

Совершенно своеобразно производят погребения в Тибете. Умерших своей смертью выбрасывают за город; тло покойника естественно перегибает и связывают голову с ногами, затѣм бросают на сѣденье хищных птиц. Изъ города трупы уносятъ специально для этой цѣли существующіе носильщики, которые за известную плату и устраиваютъ всю эту процедуру. Тѣла преступниковъ, казенныхъ властей, служащихъ въ тюрьмѣ или въ судныхъ управленияхъ уносятъ на рѣку и выбрасываютъ въ воду.

Къ числу въ высшей степени оригинальныхъ съ нашей точки зрѣнія обычаевъ тибетцевъ слѣдуетъ отнести приемъ, употребляемый ими, когда они здороваются съ лицомъ высшаго положенія. Остановившись неподалеку отъ высокопоставленной особы, тибетецъ, считаящий себя по положенію ниже его, разставляетъ ноги въ стороны, высовываетъ языкъ, наклоняется впередъ, правой рукой поводитъ у себя по шнурѣ и, глядя на приветствуемое лицо, произноситъ «дзаста, дзаста!» (тибетцы и участники тибетскаго посольства, прибывшаго въ Россію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тоже показывали мнѣ, какъ это дѣлается).

Андр. Р.

Сарепта, 6 июля 1904 г.

Хребетъ Мусъ-тау (Зайсанскій).

Изъ юго-восточной части Зайсанскаго Алатау, на границѣ съ Китаемъ, лежатъ высокія горы, известная часть подъ общимъ именемъ Саура. Въ нихъ различаютъ нѣсколько хребтовъ; самый высокій называется Мусъ-тау (киргизское названіе, по русски — ледяная гора). Этотъ хребетъ образуетъ естественную границу съ Китаемъ на протяженіи 35 верстъ. Направленіе его восточно-западное; южные склоны круто падаютъ къ долинѣ Кобу (Китай), сѣверные даютъ рядъ длинныхъ отроговъ, раздѣленныхъ глубокими и тѣсными ущельями, на днѣ которыхъ бѣгутъ шумныя рѣчки (шотти всѣ въ русскихъ предѣлахъ). Отроги имѣютъ плоскія вершины, заваленныя большими россыпями.

Средняя высота главнаго гребня 11½ тыс. ф., а отдѣльныя вершины достигаютъ 12½ тыс. ф. Высота отроговъ, близъ главнаго гребня, въ среднемъ до 10 тыс. ф. На сѣверъ они постепенно понижаются, при чемъ мѣняются и внѣшній характеръ — очертанія вершинъ, склоны долинъ становятся мягче, рѣзкіе контуры отсутствуютъ, россыпи и скалы рѣдки; все одѣвается травянымъ покровомъ, который ниже 9 тыс. футъ становится уже довольно богатымъ, достигаѣ въ поясъ лиственничнаго лѣсова (5—8 тыс. ф.) наибольшаго богатства и разнообразія; здѣсь рѣчки текутъ въ цѣвущихъ долинахъ.

Другую картину представляетъ верхній поясъ (начиная съ 10 т. ф.). Такъ суровая альпійская страна, гдѣ боитъ лишь короткое и холодное лѣто, гдѣ въ началѣ іюля термометръ показываеъ 8—12°; дуютъ постоянно сильные и холодныя вѣтры; изъ ущельй безпрерывно подымаются туманы, ползутъ по гребню, окутываютъ вершины, скрывая ихъ по нѣсколькимъ днямъ; всюду сырость, идетъ часто дождь въ видѣ водяной пыли, при низкой температурѣ разсыриваются не рѣдко настоящія снѣжныя бури (какая, напримеръ, застала насъ 24-го іюля). Благодаря такимъ суровымъ условіямъ, расти-

ельныя и животныя мѣръ здѣсь очень бѣдны. Травяной покровъ нѣтъ; жалкіе альпійцы — камеліоны, драбы, полярная ивня (не больше двухъ вершковъ), черныя осоки, крошечныя астрагалы и марьяка встречающіяся альпійскій мѣсъ — одиноко ютятся кое-гдѣ въ камняхъ; только лишайники разрастаются обильно на камняхъ и скалахъ.

Изъ животныхъ нѣрѣдка встрѣтишь стабу уларовъ (горныхъ куropатокъ), еще рѣже промелькнутъ въ камняхъ или на обрывахъ архары (каменные бараны) и козлы. Захаживаетъ иногда сюда и медвѣдь поозитъ за архарями и козлами. Но всѣ они здѣсь скорѣе гости, такъ

Улица въ г. Тарсандо.
(Фот. Кашкарова).

Буддійскіе монахи изъ монастыря близъ г. Тарсандо.
(Фот. Кашкарова).

какъ появляются только въ хорошеіи дни; въ ненастье спускаются въ долины.

Если смотрѣть на Мусъ-тау съ запада, съ вершинъ Саура, то плоскія вершины сѣверныхъ отроговъ, сливаясь, образуютъ какъ-бы одно плато, надъ которымъ поднимаются пирамидальныя и коническія вершины Мусъ-тау. Покрываютъ снѣгомъ и окутанныя почти всегда облаками, они представляютъ красивую картину въ яркій солнечный день, когда лучи солнца играютъ на ихъ освѣтительно бѣлыхъ снѣгахъ. Такия остроконечныя вершины со снѣгами имѣетъ весь главныя гребень Мусъ-тау. Почти всѣ снѣжныя вершины лежатъ въ русскихъ предѣлахъ; въ Китаѣ имѣются, повидимому, одна большая плоская вершина, прилегающая къ нашей границѣ.

До настоящаго времени о Мусъ-тау достаточно полныхъ снѣжныхъ, рисующихъ его орографію, геологическое строеніе, флору и фауну, не

имѣется. Существующая географическая литература, кажется, исчерпывается небольшими статьями Сосновскаго, Михаѣлиса, Пѣвцова и Миропищенко. Неполнота снѣжныхъ отразилась и на существующихъ картахъ (10 и 40 верстныхъ Омскаго Военно-Топографическаго Отдѣла и Главнаго Военно-Топограф. Отдѣла), гдѣ есть не мало неточностей*). Такъ, напр., число рѣчекъ, текущихъ съ Мусъ-тау и образующихъ р. Кендерлыкъ, — на 10 верстной картѣ четыре, а на 40 верстной — семь, въ дѣйствительности ихъ шесть; при чемъ верховья р. Бокана и пограничной р. Уласты раздѣлены на названныхъ картахъ разстояніемъ не менѣе 10 верстъ; а въ дѣйствительности ихъ отдѣляетъ узкій (до 100 саж.) гребень. Такъ-какъ до сихъ поръ названіе текущихъ съ Мусъ-тау рѣчекъ, — главныхъ притоковъ Кендерлыка — не приводилось, то не лишне будетъ привести ихъ здѣсь.

Пограничная рѣка съ Китаемъ называется на указанныхъ картахъ *Улькунъ-Уласта*, по мѣстные киргизы называютъ ее *Кинъ-Уласта*, а верховья особымъ именемъ — *Дора*; Улькунъ-Уласта по ихъ словамъ лежитъ уже въ Китаѣ (слѣдующая за пограничной).

Пограничная Уласта течетъ въ широкой, съ обрывистыми каменными склонами, долинѣ; въ низовьяхъ расширяется и выходитъ изъ горъ, теряется въ поцѣв.

Слѣдующая къ западу рѣка (въ русскихъ предѣлахъ) — *Амбагай*, самый восточный истокъ Кендерлыка съ Мусъ-тау. Начинается изъ небольшой котловины, не доходя до снѣжныхъ вершинъ; водой не богатъ; течетъ въ задернованной долинѣ.

Рядомъ съ нимъ идетъ *Боканъ*, за нимъ — *Ой-карагай*, *Оба* и *Камъ-кай*.

Всѣ эти рѣчки и главные верхніе притоки берутъ начало изъ снѣжныхъ вершинъ, проложивъ себѣ дороги въ глубокихъ и тѣсныхъ ущельяхъ, загроможденныхъ валунами и глыбами, сорванными съ ближайшихъ утесовъ и скалъ. Особенно интересныя днѣя и живописныя ущелья *Кара-кинъ* (вершина *Камъ-кай*). Рѣчка вытекаетъ изъ истоками изъ снѣжниковъ, залегающихъ въ вершинахъ каменистыхъ логовъ (рис. 1). Соединившись, истоки образуютъ пѣнистый потокъ, который, пробѣжавъ версты двѣ по дну глубокой долины, падаетъ каскадами въ тѣсную щель, образованную отѣсными утесами кристаллическихъ сланцевъ и порфиритовъ (кристаллическія породы — кремнистые, тальковые сланцы, порфириты, сіениты и др. слагаютъ гребень Мусъ-тау и главные отроги). Осадочныя породы (глинистые сланцы, песчаники и др.) встрѣчаются только на нижнихъ склонахъ сѣверныхъ отроговъ; здѣсь, среди нихъ, находится известное Кендерлыкское каменноугольное мѣсторожденіе.

Не менѣе живописныя ущелья имѣютъ и другія рѣчки, напр. правый и лѣвый притоки *Кинъ-Бууу-Джайлау* и *Буууу*. Истокъ послѣдней начинается изъ тѣснаго ущелья, склоны котораго покрыты отъ вершинъ до подошвы вѣчнымъ снѣгомъ.

Къ числу неясныхъ и спорныхъ вопросовъ о Мусъ-тау относится вопросъ о существованіи ледниковъ.

Они (напр. приведенные выше авторы Сосновскаго и Миропищенко) со словъ киргизъ говорятъ, что въ восточной части хребта имѣются ледники; однако точно мѣстополагеніе ихъ эти авторы не указываютъ. По мнѣнію другихъ (напр. Е. Михаѣлиса) на Мусъ-тау имѣются только вѣчные снѣга).

Въ прошломъ году мнѣ удалось побывать въ истокахъ всѣхъ (крѣмъ *Ой-Карагай*) рѣчекъ, текущихъ съ Мусъ-тау и убѣдиться въ томъ, что ледники дѣйствительно существуютъ**).

Такъ, въ истокахъ пограничной р. Уласты находится три ледника. Главныя ледники (Баб-

*) Замѣчу, что на этихъ картахъ въ русскихъ предѣлахъ Мусъ-тау совсѣмъ нѣтъ, они относятся всецѣло къ пределамъ Китая.

***) Подробнѣе совершенно по порученію и на средства Зап.-Сиб. Отдѣла и Р. Геогр. Общества, въ «Заноскахъ» котораго и печатается отчетъ о поездкѣ.

конца) идет вдоль границы, начинаясь большим, сибирским полем, которое занимает обширную куполообразную вершину (рис. 2). Длина ледника не менее $\frac{3}{4}$ вер; ширина до 50 саж. У нижнего конца лежит большая конечная морена высотой до 5 саж; срединных морен нет. Ледник на несколько сажен не доходит до конечной морены, что говорит об отступании (т. е. уменьшении) ледника. В с.-в. конце начинается исток, который образует несколько ниже морены маленькое озеро.

Рядом с этим в тесной щели лежит второй ледник, несколько меньших размеров. У нижнего конца есть морена. Верхний конец начинается от того-же сибирского поля.

Третий ледник (уже в пределах Китая) лежит в такой-же тесной щели, как и второй и дает, повидному, начало р. Улукунь-Уласта. Следующая речка—Алайбай, как я уже говорил, берет начало из небольшой котловины, не доходя сибирских вершин. Рядом с ней лежит речка Бокань. Ея верхняя слагаются из трех ледниковых истоков. Главный исток—восточный (рис. 3); он питается ледником, залегающим в длинном и узком ущельи; на вершинк переходит в большое сибирское поле. У нижнего конца (рис. 4) вытекает морена, до которой ледник не доходит; исток начинается в с.-з. углу ледника. Как главный ледник Доры (рис. 2), так и этот, изрван на поверхности небольшими ручейками, но широкими трещинами нет.

К моренк этого ледника сибиряется второй ледник (рис. 3).

Западный исток начинается из двух ледников, лежащих в небольшом цирке у самых вершин (рис. 5). Истоки ледников падают сначала живописными водопадами, углубляются в небольшие, тесные ущелья и, пройдя их, выходят в долину.

На следующей к востоку р. *Ой-караий* не удалось быть, но мы видели в ее истоках два ледника. Соединяя с ними—*Оба* имеют два ледника (рис. 6). Главный ледник нам удалось пройти от подошвы до вершин.

громадных размеров, но что впервые указал еще Е. Михалевич, который встрѣтил на р. *Карымкин-кендерлык* древний ледниковый отложения (в вид размытых морен и скопелей валунов) на расстоянии больше, чем десяти верст от современных истоков речки (Изв. Геогр. Общества, 1874 г. № 4).

Мной встрѣчены древний ледниковый отложения почти на всех постельных речках и также немного верст ниже современных ледников. Так по Обѣ они встрѣчались в 10—12 вер. от современного ледника, при чем в одном месте долины древней морены истинно обозначаются в вид выгнутых валов; внутри их лежат два маленьких озера.

По долинам всех речек кочуют киргизы; летом кочевни их подходят почти к са-

положительных результатов. После совершения преступления прошло почти три недели, а надежды на открытие похищенного не было ни малейшей.

Как-то вечером я был у податного инспектора. В числѣ гостей у него находился только что прибавший студент университета естествоискусств, занимающийся в киргизской степи собиранием антропологических коллекций; он уже думал возвращаться в Петербург и захватил в наш городок на день на два за какими-то справками.

Оказалось, что этот студент прекрасно знает моих петербургских хороших знакомых. Я разговорился с ним. Сначала беседовал об общих наших петербургских притялках; затѣм с петербургской и студенческой жизни вообще, а затѣм постепенно как-то наши разговоры свелись к Степному Краю, к киргизской жизни, кочевой обстановкѣ. Мой собеседник начал рассказывать мнѣ разные эпизоды из своей жизни в степи. Один из них заинтересовал меня.

— Несколько времени тому назад, говорил студент, я захватил в небольшой аул. Дѣло было утром. Приѣхал я рано. Хозяева юрты, где я остановился, еще спали, вѣдь киргизы долго спят, т. к. ложатся поздно. Со мной был киргиз переводчик. Мы зашли в юрту. Хозяева стали подыматься, и я прошел и съѣлъ недалеко от очага на кошмѣ. И вот как то, повернув ногу, я печально отвернул кошму и увидѣл под ней штук шесть совершенно новых золотых птунубленков. Переводчик мой в это время выходил из юрты подкормить насчет лошадей. Я обратил внимание хозяев на золотые монеты и спросил по-русски, как это онг попал сюда? Мени или не поняли, или не желали отвѣтить. Вышед в юртѣ старик поспѣшно бросился, схватил монеты и стал брать бывшего тут-же молодого парня. Я понимал, что онг вернул его, но, что они говорят, понять не мог. Когда переводчик вернулся, я рассказав ему о моем открытїи и онг стал разспрашивать

Рис. 1. Восточный исток Кара-кїй.
(Фот. Баршева)

Рис. 2. Главный ледник Доры (ледник Бабкова).
(Фот. А. Сѣдельникова).

Рис. 3. Главный и височїй ледник Бокана.
(Фот. А. Баршева).

Съ главной вершины (около 12 $\frac{1}{2}$ т. ф.) открывается красивый вид на окружающую мѣстность, особенно на юг. Видна вся средняя часть долины Кобу, ближайше хребта Семистай, Уркашар и пустыни, лежащїя к востоку от них.

Главный ледник отличается от описанных выше тѣм, что нижняя (фронтальная) морена его неясна; она почти скрыта россыпями ее ближайших склонов. Можно думать, что этот ледник уже умерши, т. е. на нем не происходит движени льда и морена, не пополняется ледникомъ, срысается все болѣе и болѣе под обломками и россыпями.

Второй ледник лежит в щели, рядом с первым (к востоку от него); исток его впадает в исток первого, ниже древней морены.

Третий ледник находится в другом ущельи, отдаленном от первого длинным каменистым отрогом, и дает самостоятельный приток Обѣ.

На истоках речек в западу от Обѣ нам не удалось побывать, но на р. *Бурум* (правый приток Каял-ки), как и в *Кара-кїй* можно допускать существование если не ледников, то фирновых сибирников.

мыя ледникамъ, но не надолго—на мѣсцѣ и меньше; в концѣ июля они спускаются уже обратно, так как становится холодно и выпадают снѣга.

А. Сѣдельниковъ.

Изъ воспоминанїй слѣдователя.

(Окончанїе, см. иллюстр. прил. къ № 155).

III.

Дѣло о похищенїи двадцати тысяч не переставало волновать небольшой степной городок. Собиравшіеся по вечерам повинтить и выпить обыватели дѣлали тысячи предположенїи о томъ, гдѣ скрыты деньги. Мѣстный уѣздный начальник собрал чуть не сотни киргиз и сам осмотрѣл дорогу между станціями М—ской и Н—ской. Каждая ямка, каждое подозрительное мѣстечко на десятки и, пожалуй, даже сотни сажен в стороны от дороги было зарито и переконано, но денег не находилось. За родственниками ямщика-киргиза был организован тайный надзоръ, но не далъ никакихъ

хозяев. Сначала они разговаривали при мнѣ, а потом ушли из юрты, потом что-то спорились, но все кончилось мирно. Переводчикъ рассказав мнѣ, что вчера в этой юртѣ был богатый киргиз, который считал деньги и обронил несколько монет, что хозяева юрты очень огорчены, т. к. этотъ богатъ может теперь сказать, что онг обронил много больше и будетъ выкидывать деньги киргизскимъ судомъ, который ему, какъ богатому человеку, и присудит, пожалуй, все требуемое. Переводчикъ далѣе всю дорогу рассказывал мнѣ о киргизскомъ неправосудїи. Дѣйствительно, мнѣ извѣстно много фактовъ этого неправосудїа.

При этомъ рассказѣ у меня мелькнула мысль, не часть ли это похищенныхъ Антишевымъ и Ямщиком-киргизомъ денегъ? Не сообщая объ этомъ соображенїи моему собесѣднику, я подробно разспросил его о мѣстѣ, гдѣ былъ съ нимъ этотъ случай. Оказалось, что это было в стах в 40 от станціи М—ской. Мнѣ показался страннымъ рассказъ студента. Киргизы очень бережно относятся къ деньгамъ и при такихъ условїяхъ потерять ихъ не могутъ. Наверта я побѣхал къ уѣздному начальнику и передалъ ему свои соображенїа. Ми пригласили студента, снова разспросили его и, выслушавъ его

разказъ, пришли къ заключенію, что поведение хозяевъ юрты и переводчика являлись нѣскольکو странными.

Въ результатѣ рѣшено было немедленно съѣздить и проавести обыскъ. И что-же? Въ этой бѣдной юртѣ найдено было на 10000 рублей съ лишкомъ золотыхъ новенькихъ монетъ и обрѣнокъ кожаной почтовой сумки. Экономные хозяева не пожелали уничтожить ее и рѣшили использовать на починку сѣда.

Все дѣло было раскрыто. Оказалось, что молодой киргизъ ночью переѣзжалъ дорогу между станціями М—ской и Н—ской и нашелъ почтовый баулъ. Онъ привезъ его домой. Баулъ былъ вскрытъ и около очага происходилъ счетъ денегъ, изъ которыхъ нѣсколько монетъ закатились подъ кошку, такъ какъ къ аулу подѣзжали гости, и хозяева спѣшили поскорѣе спрятать деньги. Это было какъ разъ вечеромъ накануне прѣѣзда студента. Киргизы-гости ночевали въ дру-

гую юртѣ. Эти показанія вполнѣ совпали съ другими данными, съ показаніями другихъ лицъ и несомнѣнно, такимъ образомъ, было установлено, что въ данномъ случаѣ дѣйствительно деньги были потеряны. Забѣчу, что всѣ деньги были найдены. Онѣ были распределены между родными киргиза, нашедшаго ихъ. Хотя потомъ они и услышали, что это за деньги, но разстаться съ ними было жалко.

Антишевъ и ямщикъ были, конечно, освобождены, а почтово-телеграфный начальникъ, обвинитель Антишева, развода руками, говорилъ: „да, бываютъ на свѣтѣ странныя исторіи. Видѣ чуть было не закатали двухъ невинныхъ людей!“

Зав—ій.

Буддйскіе монахи изъ монастыря близъ г. Тарсаидо.

Въ одной верстѣ выше города Тарсаидо, на лѣвомъ берегу той рѣки, которая пересекаетъ городъ поводемъ, находится буддйскій монастырь. Во время моего пребыванія въ Тарсаидо я познакомился съ однимъ изъ монаховъ этого монастыря. Монастырь мнѣ назвали Довба-дарчжалинъ. Имени монаха я не добился; то имя, которое онъ давалъ себя, мнѣ казалось вымышленнымъ. Это былъ гуртунъ монастыря, т. е. монахъ, который знаетъ заклинательныя формулы, произношеніе которыхъ, сопровождаемое ударами бубна, предохраняетъ монастырь отъ бѣдствій. Многіе монастыри ѣздятъ такихъ гуртуновъ или охранителей отъ несчастныхъ враговъ въбуроченія. Нашъ гуртунъ когда-то путешествовалъ по Монголіи за сборомъ милостыни, два года прожилъ среди бурятъ въ Забайкаліи, знаетъ хорошо по-монгольски и съ нами бесѣдовалъ на монгольскомъ языкѣ; а за и одну рус-

на троянскій Илюнгъ. Впечатлѣніе, которое производятъ наши современныя постройки, замыкается въ одномъ зданіи, часто не выходящемъ ничего общаго со стилемъ и духомъ окружающихъ построекъ. Здѣсь вся скала объединена однимъ стилемъ; не одно зданіе, а собраніе зданій своей совокупностью создаютъ эффектъ, чуть не цѣлый городъ, какъ будто построенъ рукой одного строителя. Вѣроятно бываетъ очень эффектная картина, когда по „шарштвеннымъ ступенямъ“, соединяющимъ вершину скалы съ ея подошвой, спускаются блестящій красный и желтый процессіи монаховъ съ хоругвями, трубами и барабанами.

Мы заимствуемъ описаніе Бодала и ея видъ изъ статьи Пѣвкова, ученаго бурята, который недавно посетилъ Лхасу. Статью помѣщена въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общества, т. XXXIX (1903 г.), вып. III и снабжена фотографическими снимками, исполненными бурятами Норазуновымъ.

Бодала,—дворецъ далай-ламы, по преданію построенъ тибетскимъ царемъ Сронцаномъ около 630 г. по Р. Хр., по своей настоящей видъ онъ получилъ гораздо позднѣе, при жизни или даже послѣ смерти пятого знаменитаго далай-ламы Агванъ-Ласанъ-чжянью, когда была выстроена главная центральная часть дворца „Побранъ-марбо“ (красный дворецъ) и дворецъ былъ заново отремонтированъ.

Дворецъ красиво расположенъ на природной скалистой горѣ Бодаль*) въ одной верстѣ къ западу отъ г. Лхаси. Съ трехъ сторонъ, съ лицевой и съ боковой, онъ окруженъ стѣною, которая на югѣ спускается на горы.

Здѣсь во дворѣ помѣщается монетный дворъ, судилище для далай-ламскихъ подданныхъ, тюрьма и т. д. Дворецъ имѣетъ въ длину 200 саженъ и съ лицевой стороны 9 этажей. При постройкѣ его, повидимому, имѣлась въ виду главнымъ образомъ оборонительная цѣль.

Зданія Бодала построены въ тибетскомъ стилѣ; стѣны снаружи раскрасы,

Рис. 4. Нижний конецъ большого ледника Бокана. (Фот. А. Сѣдльникова).

Рис. 5. Западные истоки и ледники Бокана. (Фот. А. Сѣдльникова).

Рис. 6. Долина верховьевъ Обы. (Фот. А. Сѣдльникова).

Къ рисункамъ.

Улица въ городѣ Тарсаидо.

Городъ Тарсаидо находится на западной границѣ китайской провинціи Сы-чуань, гдѣ эта провинція примыкаетъ къ Тибету. Городъ построенъ въ узкой долинкѣ; горная рѣка раскидываетъ городъ поводемъ. Центральная часть города занята китайскимъ кварталомъ, окраины населены тибетцами. Нашъ рисунокъ представляетъ улицу въ самой верхней части города, гдѣ между прочимъ находится домъ католической миссіи. Съ улицы жидыкъ домовъ здѣсь не видно; по обѣимъ сторонамъ тянутся только заборы, сложенные изъ дикихъ неотесанныхъ камней, и прерываемые мѣстами воротами. Благодаря сильной энергіи растительной жизни, каменные постройки обростаютъ здѣсь обильно зеленою; отѣсными стѣны обвѣшаны панортиками, а на гребняхъ заборовъ гнѣздятся ряды ирисовъ. Когда стѣны такихъ заборовъ отъ старости посыпятся впереди часть улицъ камнями, то она тогда очень мало отличается отъ естественнаго дефиле между отѣсными скалами, о чемъ нашъ рисунокъ и свидѣтельствуетъ.

слово „матушка“, употреблѣть которое научился въ Забайкаліи.

Только какимъ крошечнымъ эхомъ откликается здѣсь жизнь отдаленнаго могущественнаго государства; за все пребываніе мое въ Сы-чуань въ теченіе почти года, кромя слова „матушка“ мнѣ не поминили мое отечество только мѣдный русскій пятакъ, невѣдомо какими путями попавшій въ руку адышняго обывателя, да на оконномъ стеклѣ въ тангутской гостинницѣ напаранныхъ алмазномъ русскія буквы, имя одной дамы.—На нашемъ рисунокѣ изображены четыре монаха; одинъ изъ нихъ, самый старшій, настоятель монастыря; рядомъ съ нимъ, вправо отъ него, по лѣвую руку настоятеля, нашъ другъ-гуртунъ.

Г. Потанинъ.

Бодала, дворецъ далай-ламы.

Бодала, какъ видно изъ помѣщеннаго рисунка, производитъ впечатлѣніе титанически здуманнаго сооруженія. Цѣлая скала введена въ общій планъ постройки и покрыта многоэтажными домами-пидѣлами и дограми-лѣстинами, ведущими отъ подошвы скалы на ея вершину. Общій видъ Бодала наводитъ мысль на афинскій Акрополь или

зданіе къ нему расширяется, крыша плоская. Этничестиль напоминаетъ египетскій постройкѣ. Тибетскія храмы еще болѣе, чѣмъ частные дома, напоминаютъ древній Египетъ тѣмъ, что передъ входными воротами храма ставятъ, какъ бы вместо египетскихъ обелисковъ, дѣвъ деревянные мачты или строятся дѣвъ башни, а надъ воротами вышѣ египетскаго знака „ру“ колеса, помѣщается „хорло“, колесо вѣры.

Апартаменты самого далай-ламы, а также всѣ дѣлности помѣщаются въ „Побранъ-марбо“ (красный дворецъ), который весь выкрашенъ въ коричневый цвѣтъ. Въ остальныхъ частяхъ дворца живѣтъ штатъ далай-ламы, въ числѣ котораго имѣется община монаховъ въ 500 челоувѣкъ. На обязанности этой общины лежатъ богослуженія ради блага и долгоденствія далай-ламы.

Г. Потанинъ.

*) Бодала (гора Бода)—название скалы, на которой построены дворцы; по слуху и дворецъ получилъ имя. Бодала-лаи Полава собственно есть индйская гора, историческое бога Арма-Бало; такъ какъ далай-лама считается воплощеніемъ этого бога, то и его чѣстопрѣбываніи названо тѣмъ же именемъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.